

Бурданова Наталия Анатольевна

РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Автор статьи анализирует содержание родительских прав и обязанностей и его трансформацию в дореволюционном праве России. Основное внимание уделяется личным неимущественным правам и обязанностям родителей, особенностям их осуществления на различных этапах российской государственности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 36-39. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

условиях)», выражает достоверность содержания и его ситуативную ограниченность, а определения к нему *социально значимые актуальные* ограничивают содержание тематически. Глаголом *засвидетельствованы* и обстоятельственным индексом к нему *официально*, имеющим значение «формально, по обязанности, по должности, с соблюдением установленной формы, учреждённых правил, норм, законов», характеризуется функциональная специфика документов. Выражение *для практической цели* обобщённо обозначает цели создания документных текстов.

Адекватность предложенного определения понятия *документ* верифицируется мысленным экспериментом с включением в фильтр критериев изолированности (применимость только к документам), полноточности (применимость ко всем документам) и логической непротиворечивости. Экспликацией текстовой природы феномена термин *документ*, бывший традиционно делопроизводственным, переносится в ряд понятий, имеющих лингвистический смысл. Выявление и формулирование благодаря абдукции содержательных и функциональных универсалий документа открывает перспективы в дальнейших исследованиях на метауровне и в конкретных прикладных разработках, в частности, становится возможным сформировать дескриптивно-нормативные постулаты документной лингвистики и построить систему норм, определяющую свободное от помех функционирование документов. Таким образом, значимость проведённого исследования обуславливается теоретическим и праксеологическим аспектами.

Список литературы

1. **Антропологическая лингвистика: концепты, категории.** М. – Иркутск, 2003. 251 с.
2. **Введенская Л. А.** Русский язык и культура речи. Изд-е 19-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 544 с.
3. **Горский Д. П.** Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1978. 699 с.
5. **Колтунова М. В.** Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет. М.: СТЕЛС, 2002.
6. **Кронгауз М. А.** Семантика. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академия, 2005. 352 с.
7. **Латинско-русский словарь.** М.: АСТ; Харвест, 2002. 1040 с.
8. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. Изд-е 18-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.
9. **Основы философии науки.** Изд-е 6-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 603 с.
10. **Сидорова М. Ю.** Русский язык: культура речи. Изд-е 2-е. М.: Айрис пресс, 2007. 208 с.
11. **Словарь иностранных слов.** Изд-е 15-е, испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
12. **Словарь синонимов русского языка.** Изд-е 6-е, перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1989. 495 с.

THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF “DOCUMENT” PHENOMENON

Ekaterina Borisovna Bogatova

*Department of Theoretical and Applied Linguistics
Chita State University
nuhtel@mail.ru*

The author presents the critical review of the actual interpretations of the notion “document” and the conceptual analysis of document fundamental characteristics and formulates a new definition of the notion which explicates linguistic essence and phenomenon functional universals.

Key words and phrases: document; phenomenon; definition; notion content; essence perception; sign expression; conception.

УДК 347.634

Автор статьи анализирует содержание родительских прав и обязанностей и его трансформацию в дореволюционном праве России. Основное внимание уделяется личным немущественным правам и обязанностям родителей, особенностям их осуществления на различных этапах российской государственности.

Ключевые слова и фразы: история семейного права России; семейное право Российской империи; семья; родители; дети; родительские права и обязанности; права ребенка.

Наталья Анатольевна Бурданова

*Кафедра теории государства и права
Санкт-Петербургский университет МВД России
burdanova_na@mail.ru*

РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ©

Осуществление личных родительских прав и обязанностей регулировалось в российском государстве до XVIII в. преимущественно нормами обычного права [4, с. 19].

«Власть родителей над детьми, и притом власть обоих родителей, была признана у нас уже во времена язычества» [9, с. 317]. В период язычества родительская власть не была всеобъемлющей. Дети участвовали в решении важных для семьи вопросов вместе с родителями, объединялись обязанностью кровной мести и пр. Законность рождения ребенка существенного значения не имела, важен был лишь факт признания ребенка родителями [Там же, с. 318; 11, с. 13].

После принятия на Руси христианства в 988 г. определяющую роль в регулировании родительских прав и обязанностей стала играть христианская мораль, находившая свое отражение в религиозных и иных нормах [2, с. 14].

Круг родительских прав и обязанностей был чрезвычайно широк: содержание, воспитание, защита, устройство дальнейшей судьбы детей и др. Родители имели право распоряжаться свободой детей. Дети были обязаны повиноваться родительской воле, оказывать им почтение, предоставлять содержание в старости.

Законодательное закрепление получали лишь отдельные правила. Например, в Московском государстве в ст. 6 гл. XXII Соборного Уложения 1649 года [16] указано, что дети не имеют право приносить жалобы на родителей.

В силу патриархальности русской семьи фактически вся полнота родительской власти была сосредоточена в руках главы семейства. К матери она переходила в случае смерти отца и сохранялась за ней даже при повторном замужестве [4, с. 36; 11, с. 63].

Семья как общественный институт претерпевала изменения, однако в сфере взаимоотношений родителей и детей законом продолжали охраняться интересы родителей. Так было и в Древней Руси, и в Московском государстве, так же продолжало быть и в Российской империи.

Впервые права и обязанности родителей были подробно определены в Уставе благочиния, или полицейском, принятом в Российской империи в 1782 году. «Родители суть властелины над своими детьми», – было указано в нем [18].

Нормы, регулировавшие отношения между родителями и детьми, объединялись в институты семейного права. Семейное право в Российской империи рассматривалось как один из разделов гражданского права. Учебники по гражданскому праву XIX – начала XX в. включали исследования семейных правоотношений, но в научных кругах высказывались предложения об исключении отдельных разделов семейного права из гражданского права.

Д. И. Мейер в «Русском гражданском праве» характеризовал гражданское право как науку об имущественных правах, в связи с чем предлагал в системе гражданского права рассматривать те разделы семейного права, которые связаны с имущественными правами, а остальные – относить к каноническому и государственному праву [8, с. 31]. «Брак, – указывал Д. И. Мейер, – с точки зрения христианской религии представляется учреждением религиозным... <...> Потому и место учению о браке – в системе канонического права. Юридическая сторона отношений между родителями и детьми заключается преимущественно в родительской власти, и следовательно, прилично поместить учение о ней в государственном праве. Или если иметь в виду, что отношения между родителями и детьми – прямое следствие брачного союза, то можно рассматривать их в каноническом праве» [Там же]. Аналогичное мнение было высказано и К. Д. Кавелиным в работе «Права и обязанности по имуществам и обязательствам» [7, с. 84-85].

Однако законодательной поддержки предложения правоведов не получили. Нормы семейного права были включены в Свод законов гражданских (том X Свода законов Российской империи) [15]. Книга первая Свода законов гражданских «О правах и обязанностях семейных» состояла из трех разделов. Правовому регулированию отношений, возникающих между родителями и детьми, была посвящена вторая глава «О власти родительской» второго раздела «О союзе родителей и детей и союзе родственном».

Родительские права не ограничивались во времени, то есть не прекращались по достижении детьми определенного возраста. Их объем не изменялся в зависимости от применения к дочери или сыну. «Власть родительская, – указывалось в ст. 164 Свода законов гражданских, – простирается на детей обою пола и всякого возраста, с различием и в пределах, законами для сего постановленных».

Ограничение родительской власти связывалось с волеизъявлением родителей.

Согласно ст. 179 Свода законов гражданских при поступлении в общественное училище родительская власть передавалась начальнику училища, при вступлении дочери в брак – супругу, при определении ребенка на службу родительская власть ограничивалась.

В некоторых губерниях, например Черниговской, родители имели право отречься от детей при наличии определенных обстоятельств: если дети подняли на родителей руку или толкнули их в гневе (ст. 167 Свода законов гражданских).

Дети не имели возможности ходатайствовать об ограничении прав родителей. На несовершеннолетие правового регулирования отношений, возникающих между родителями и детьми, указывал А. И. Загорский: «...и наказанный родитель, признанный судом жестокосердным отцом, разрушающим здоровье своих детей и влекущим их к моральной гибели, все же сохраняет в силе свою власть и может опять злоупотреблять ею. Здесь очевидная недостаточность закона, рассчитанного лишь на безупречных и чадолюбивых родителей» [5, с. 315].

Прекращение родительской власти наступало в случае смерти родителей или ребенка, а также лишения родителей прав состояния, если дети не следовали в ссылку за родителями (ст. 178 Свода законов гражданских).

К числу законодательно закрепленных родительских прав и обязанностей относились содержание, воспитание, нравственное образование, устройство дальнейшей судьбы детей. Родители были вправе наказывать детей (ст. 172, 173, 177 Свода законов гражданских).

Право родителей требовать у сторонних лиц возврата детей не было прямо закреплено законом, и суд по своему усмотрению разрешал подобные споры.

По мнению А. И. Загоровского, возможность отказа родителю в передаче ему ребенка противоречила общим принципам семейного права. «В практике возникали сомнения, – отмечал он, – имеет ли безусловную силу родительское право требовать своих детей от лиц посторонних, даже и в том случае, если можно доказать, что сообразнее с выгодами дитяти было бы оставление его у чужих. Однако же и существо родительской власти, как оно понимается нашим законодательством, и отдельные постановления его говорят за эту безусловность» [Там же, с. 277].

Ответственность родителей за ненадлежащее воспитание ребенка законом не предусматривалась. Исключение составлял случай, когда православные родители воспитывали детей в другой вере [11, с. 148].

Корреспондирующими правами требовать выполнения родительских обязанностей, например, по содержанию детей, последние не обладали, что критиковалось некоторыми учеными-правоведами.

«Относительно воспитания, – отмечал Г. Ф. Шершеневич, – закон дает несколько постановлений, которые лишены юридического характера. <...> Сын настаивал на предоставлении ему денежных средств для окончания Санкт-Петербургского технологического института. По мнению Сената, подобного рода обязанности должны быть отнесены к категории не столько юридических, сколько нравственных» [20, с. 238].

Дети должны были оказывать почтение родителям, в том числе после их смерти, повиноваться родительской воле, любить родителей, служить им. В обязанности детей вменялись такие нравственные обязанности, как «сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота» (ст. 177 Свода законов гражданских) и т.п.

По общему правилу дети проживали с родителями. При раздельном проживании супругов ставился вопрос, с кем останется ребенок. В подавляющем большинстве случаев дети передавались отцу, но ввиду определенных обстоятельств могли быть переданы и матери. «Сенат признал, что преимущественное право на воспитание детей (и на совместное их жительство с родителями) принадлежит отцу как главе семейства, доколе суд не решит, что ввиду особых обстоятельств (например, пьянства отца, содержания им в своем доме любовницы) польза детей требует воспитания их матерью», – подчеркивал Г. Ф. Шершеневич [Там же].

В случае юридического расторжения брака по действовавшему законодательству определение места жительства ребенка можно было осуществить только во внесудебном порядке по взаимному согласию родителей. Духовные суды, осуществлявшие расторжение брака, не вправе были рассматривать одновременно вопрос о детях, а светские суды не имели законодательной базы для разрешения дела, так как нормы Свода законов гражданских регулировали права и обязанности родителей, находящихся в браке.

Правила судопроизводства по делам, возбуждаемым на основании жалоб родителей на детей, строились на принципах приоритета родительской власти над интересами детей.

Согласно ст. 165 Свода законов гражданских «родители, для исправления детей строптивых и неповиновующихся, имеют право употреблять домашние исправительные меры». При их безуспешности родители могли обратиться с жалобой в суд.

Просьбы о наказании детей «обыкновенно удовлетворяются волостными судами, так что они весьма нередко присуждают детей, по жалобам на них родителей, к телесному наказанию – розгами, и притом обыкновенно к высшей мере этого наказания, к 20 ударам, и даже, по желанию отца, иногда суд считает себя вправе увеличить эту меру наказания» [12, с. 146].

Уголовная ответственность детей за неповиновение родительской власти устанавливалась ст. 1592 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [17]: срок тюремного заключения составлял от двух до четырех месяцев. Родители в любой момент могли уменьшить срок заключения или простить виновных.

Учреждением о губерниях 1775 г. [3] были учреждены смирительные дома для помещения в них людей обоого пола, которые вели непотребную и невоздержанную жизнь – сыновей и дочерей, которые не повиновались родителям. Прощение родителей о помещении ребенка в такой дом приносилось в приказ общественного призрения и не требовало рассмотрения судом. Срок содержания детей за неповиновение родителям составлял от трех до шести месяцев. Родители могли уменьшить срок или простить детей и освободить их от нахождения в смирительном доме [9, с. 330-331]. Смирительные дома в России были упразднены только в 1884 г.

До 1775 г. дела по жалобам родителей на детей рассматривались общими судами. В 1775 г. были учреждены специальные совестные суды (они существовали до 1852 г.), применявшие примирительные процедуры. Первоначально не все дела данной категории подлежали рассмотрению в совестных судах, что вызывало множественные противоречия. С 1826 г. все дела по жалобам родителей на детей были переданы совестным судам [Там же, с. 331-332; 11, с. 147-148]. Их решения направлялись для исполнения в высший земский суд или городничему. После 1852 г. данные дела были переданы в волостные суды.

В ходе рассмотрения дела родители не предоставляли доказательств в обоснование своей жалобы, а дети могли лишь указывать на оправдывающие обстоятельства; суд не рассматривал дело по существу [11, с. 148]. Если в ходе судебного процесса дети допускали неуважительное отношение к родителям, это еще более отягощало их вину [1, с. 60].

На случаи злоупотребления родительскими правами указывали многие исследователи, например С. В. Пахман. Он отмечал, что «право родителей требовать повиновения от детей до такой степени признается волостными судами, что в некоторых местностях даже неосновательные или несправедливые жалобы родителей на неповиновение детей не оставляются судом без последствий» [12, с. 144].

Изложенный порядок заключения детей был окончательно отменен в 1888 г.: ст. 9 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [19] устанавливала, что взятие кого-либо под стражу подлежит исполнению лишь в том случае, когда оно последовало в порядке Устава уголовного судопроизводства. Таким правом

в отношении обвиненного обладал лишь суд. Противоречие между данным требованием и ст. 165 Свода законов гражданских, согласно которой родители были властны заключать детей в тюрьму без особого разбирательства, было устранено в пользу первого Правительствующим Сенатом [5, с. 306-307].

Ответных действий, то есть жалоб на родителей, дети предпринимать не могли. С 1838 г. из данного правила было сделано исключение – если деяния родителей могли квалифицироваться как преступления. В таком случае дело рассматривалось в общем порядке с привлечением к уголовной ответственности.

Уголовные дела по обвинению родителей носили оценочный характер. «А если бы возникла в суде речь о преступности применённых родителями мер, – указывал А. И. Загоровский, – то, во всяком случае, пришлось бы принять во внимание как общественное положение родителей и их умственное и нравственное развитие, так и степень порочности детей: одни меры возможны и уместны в простой среде, другие – среди классов культурных» [Там же, с. 277].

Таким образом, в Российской империи сохранялась патриархальная семья, и определяющую роль в регулировании родительских прав и обязанностей играла власть отца семейства. Государством в безусловном порядке защищались права родителей, и отец как глава семейства имел широкий круг родительских прав при отсутствии какой-либо существенной ответственности. Первые существенные изменения в сфере правоотношений родителей и детей относятся к середине XIX в. Это связано с общей либерализацией общества и проводимыми в тот период реформами во всех сферах общественных отношений. Однако в силу консервативности и закрытости семейных взаимоотношений декларируемые изменения часто оставались на бумаге, нежели были реализованы.

Список литературы

1. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юристъ, 2004. 333 с.
2. Беляева Н. В. Регулирование брачных отношений у русских славян в семейном праве // В мире права. 2001. № 2. С. 12-26.
3. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторья учреждения для управления губерний Всероссийския империи. М.: Сенат. тип., 1775. 215 с.
4. Ефременкова Д. А. «Богу и мужу угодить и дом свой устроить...»: система гендерных отношений и правовой статус супругов в брачно-семейном законодательстве России в IX-XX вв. М.: NOTA BENE, 2008. 200 с.
5. Загоровский А. И. Курс семейного права. Одесса: Экон, 1909. 574 с.
6. Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. М.: Тип. А. Семена, 1844. 189 с.
7. Кавелин К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1879. 442 с.
8. Мейер Д. И. Русское гражданское право (по изд. 1902 г.): в 2-х т. М.: Статут, 1997. Т. 1. 290 с.
9. Неволлин К. А. История российских гражданских законов: введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с.
10. Нечаева А. М. Семейное право. М.: Юристъ, 2001. 358 с.
11. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.
12. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало, 2003. 736 с.
13. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут, 2003. Ч. 2. 639 с.
14. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М.: НОРМА, 2004. 688 с.
15. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. И. В. Вернадского, 1878. Т. X. Ч. 1. Гражданские законы. 817 с.
16. Соборное Уложение 1649 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), с 1649 года: в 45-ти т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. I. № 1.
17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. С. Н. Таганцев. СПб.: Гос. тип., 1901. 925 с.
18. Устав благочиния, или полицейский // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXI. № 15379.
19. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией: в 5-ти ч. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. Ч. 2. 523 с.
20. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.

PARENTAL RIGHTS AND RESPONSIBILITIES: CONTENT AND LEGISLATIVE CONSOLIDATION WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE

Nataliya Anatol'evna Burdanova

Department of State and Law Theory

St. Petersburg University of Ministry of Home Affairs of Russia

burdanova_na@mail.ru

The author analyzes parental rights and responsibilities content and its transformation in the pre-revolutionary Russian law and pays special attention to personal non-property rights and parental duties as well as to the specific character of rights execution at various stages of the Russian national identity.

Key words and phrases: Russian family law history; family law of the Russian Empire; family; parents; children; parental rights and responsibilities; rights of a child.